

В. П. АЛЕКСЕЕВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНДОИРАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Отсутствие бесспорно приуроченной к индоиранским народам антропологической информации неизбежно приводит нас к восстановлению антропологического состава индоиранских народов и его истории косвенными путями. Таких путей два: а) перенесение результатов изучения антропологических особенностей современных иранских и индоарийских народов на исторически и лингвистически зафиксированное время существования индоиранцев, т. е. примерно III – начало II тыс. до н. э. [32; 33], что, разумеется, требует многоступенчатой экстраполяции; б) рассмотрение палеоантропологических материалов, относящихся к этой эпохе, с территории возможного расселения индоиранцев, т. е. из Передней и Средней Азии и южнорусских степей. Сразу же оговорюсь, что территория Кавказа исключается из рассмотрения ввиду очевидного господства там во II тыс. до н. э., как и в предшествующую эпоху, носителей древнейших форм кавказских языков [42].

Современные иранские народы являются носителями разных антропологических комплексов. *Соматологические данные о них собирались* многими исследователями, из которых назову главнейших: по народам Ирана основной материал собран Г. Филдом [45; 46], по иранским народам Средней Азии – В. В. Гинзбургом [19], Л. В. Ошаниным [34; 35; 36; 37], Шведецкой [56] и Ю. Г. Рычковым [40], по иранским народам Кавказа – М. Г. Абдушелишвили [2; 4], по народам Афганистана – Г. Ф. Дебецем [26]. Краниологические материалы по современным иранским народам публиковались В. В. Бунаком [16], М. Г. Абдушелишвили [1; 4], Ю. Г. Рычковым [39; 40] и автором настоящего сообщения [11]. В результате сами морфологические комплексы в составе иранских народов могут быть охарактеризованы достаточно полно; можно проследить и аналогии им у других народов.

Начнем с тех комбинаций признаков, которые представлены преимущественно в среде неиранских народов, а у иранцев встречаются лишь спо-

радикально. Массивность черепа, очень большие размеры ширины лица, круглоголовость, относительно светлая для южного народа пигментация – характерные антропологические признаки осетин; эти признаки в таком сочетании не зафиксированы больше ни у одного из иранских народов [2]. В то же время эта комбинация свойственна многим народам Центрального Кавказа и, по-видимому, имеет местное происхождение [10]. Это означает, что ираноязычные осетины сформировались на местной биологической основе и может быть прослежена непрерывная генетическая преемственность поколений от древнего населения, говорившего на кавказских языках, к современным осетинам. Такая ситуация, естественно, исключает антропологические особенности осетин из круга данных, пригодных для реконструкции индоиранского состояния.

Ираноязычные народы Южного Дагестана и Азербайджана – таты и талыши – имеют в отличие от осетин узкое лицо и темную пигментацию, европеоидный комплекс признаков выражен так же сильно, как и у осетин [14; 28]. Эта комбинация признаков в чистом виде представлена также в разных группах азербайджанского народа [30], у туркмен Северного Кавказа и у туркмен Средней Азии [43]. В подавляющем большинстве работ, посвященных общим вопросам антропологической классификации, она рассматривается как местная по происхождению, тем более что ей находят палеоантропологические аналогии, восходящие к IV тыс. до н. э. [12]. В этом случае теоретически возможны две гипотезы: предполагать (так же, как и в случае с осетинами), что иранизация местного субстрата явилась следствием распространения иранских языков и не сопровождалась реальным переселением каких-то групп нового населения, или думать, что в составе талышей и татов мы застаем антропологический компонент, типичный для иранцев вообще и представленный в составе и других иранских народов. Заведомо поздняя тюркизация предков азербайджанцев и туркмен и веские аргументы в пользу их хотя бы частичной иранской принадлежности заставляют склоняться ко второй гипотезе. Таким образом, если распространение иранского языка в пределах центральных предгорий Главного Кавказского хребта представляет собой следствие только языковой ассимиляции, то в Восточном Закавказье, можно думать, проживало население, антропологически родственное древним иранцам и индоиранцам.

На юг и восток от Каспия мы сталкиваемся уже с подлинными антропологическими компонентами, среди которых изначально складывался антропологический состав иранских народов и которые были, очевидно, представлены и среди недифференцированных индоиранцев. К сожалению, хотя морфологическая характеристика этих компонентов достаточно

ясна и объективна сама по себе, будучи основанной на многочисленных и разнообразных полевых наблюдениях, проблемы их генетических взаимоотношений, времени образования и места в существующих расовых классификациях продолжают вызывать много споров и не решены однозначно в современной антропологической литературе. Выбор наиболее правдоподобных гипотез корректируется стремлением избежать крайних точек зрения и ориентировкой на то, чтобы формулировать выводы в достаточно общей форме, помня об особой сложности и важности проблемы.

Наиболее крупные из иранских народов – персы, паштуны, курды, таджики – носители разных комбинаций морфологических признаков. Только персы и паштуны более или менее близки друг другу в этом отношении: их отличают тенденция к долихоцефалии, узкое лицо и грацильный череп, у них темные волосы и глаза при относительно светлой коже, а также значительный волосяной покров на лице и теле [25; 45; 46; 47]. В пределах этой комбинации признаков отмечено много локальных вариантов, свойственных и отдельным малочисленным ираноязычным народам, и этническим группам на территории Ирана и Афганистана, но все они выделяются по сдвигам в вариациях одного-двух признаков и в целом не нарушают гомогенности рассматриваемой комбинации признаков в пределах всего ареала ее распространения. Практически эта же комбинация – может быть, лишь с небольшими локальными различиями – представлена и в Восточном Закавказье среди упоминавшихся уже татов и тальшей [28].

Особый вопрос – принадлежность к этому комплексу памирских народов, причем это понятие трактуется в широком смысле, т. е. включая сюда народы и этнографические группы, проживающие не только в пределах СССР, но и на территории Северо-Восточного Афганистана. На фоне того же морфологического сочетания признаков они выделяются значительным процентом лиц со смешанными оттенками волос и особенно глаз. Подобный сдвиг характерен и для живущих южнее и восточнее носителей дардских языков [26; 50; 51]. Три-четыре десятилетия тому назад исследователи писали о возможном влиянии северной примеси на сложение этого комплекса. Однако сейчас наиболее распространенная и хорошо аргументированная точка зрения сводится к тому, что появление определенного числа индивидуумов с относительно светлыми волосами и глазами обязано своим происхождением действию генетических процессов, происходящих в замкнутых популяциях [17; 18; 25], каковыми являются популяции памирских и дардских народов (высокогорная изоляция, усиленная эндогамной структурой брачных кругов). Согласно этой точке зрения, отличия высокогорных народов Памира и Северо-Восточного Афганистана от пашту-

нов и персов носят вторичный характер и не препятствуют их объединению в единый расовый комплекс, имеющий общее происхождение. Занимая обширную территорию, он может считаться очень древним и исконным, во всяком случае в пределах Ирана и Афганистана. Ниже мы убедимся, что его ареал охватывает также территорию Пакистана и Северо-Восточной Индии.

Курды значительно отличаются от персов и паштунов практически в одном, но очень важном признаке – в развитии волосяного покрова [4]. Если добавить к этому еще и физиономические различия, хотя и более слабо выраженные, то налицо явное сходство курдов с армянами, айсорами и некоторыми территориальными группами арабов, которые являются носителями так называемой арменоидной комбинации признаков [4; 13; 24]. Она занимает самостоятельное таксономическое положение и также является, по-видимому, чрезвычайно древней на территории Передней Азии [15]. Неполная выраженность этой комбинации у курдов – арменоиды брахицефальны, в то время как курды сохранили долихокранию, – позволяет думать, что арменоидная комбинация не является исконной для иранских народов и что предки курдов приобрели свои характерные антропологические особенности в процессе позднейших брачных контактов с неиранскими народами.

Принадлежность таджикского и памирских языков к числу иранских часто гипнотически действовала на антропологов, заставляя преуменьшать различия и преувеличивать сходство. В то же время таджики равнинных районов очень близки узбекам [34; 35; 36; 37]. Все это привело к конструированию антропологической общности, охватывающей обширный ареал и, по мнению многих специалистов, имеющей общее происхождение [20; 21; 22]. Однако детальное антропологическое обследование Таджикистана и сравнение с итогами антропологического изучения населения окружающих территорий показали, что конструирование такой общности во многом носит искусственный характер. Таджики южных районов более грацильны и узколицы, чем северных, и действительно, по-видимому, могут быть объединены с памирцами (оставаясь, однако, темнее их) и с населением Афганистана и Ирана в одну таксономическую единицу [38]. Таджики северных районов более широколицы и массивны, обнаруживая реальную связь с узбеками [27]. И у северных таджиков, и у узбеков отчетливо фиксируется монголоидная примесь, палеоантропологическая история которой достаточно ясна и которая восходит к двум последним тысячелетиям их истории [22]. Если отвлечься от влияния этой монголоидной примеси, то перед нами остается комбинация признаков, явно обнаруживающая при относительно темной пигментации более северное тяготение (массивность и ши-

роколицесть), чем основной, уже рассмотренный, грацильный и узколиций темнопигментированный комплекс в составе иранцев. Он восходит к ранним эпохам истории местных антропологических комплексов на территории Средней Азии, и нет оснований сомневаться в исконной принадлежности к нему таджиков северных районов теперешнего их расселения [22]. К нему же относились и ираноязычные предки узбеков до их тюркизации [20; 22].

Бегло рассмотрев антропологический состав иранских народов и выявив в нем два изначальных компонента – грацильный и узколиций, массивный и широколицый, оба очень темных, хотя и различающихся по пигментации (второй из них относительно светлее, что полностью согласуется с его более северным положением в пространстве и несколько более «северным» морфологическим обликом), мы переходим теперь к рассмотрению антропологического состава индоарийских народов, населяющих Восточный Пакистан, Северо-Западную, Северную и частично Северо-Восточную Индию. Основой такого рассмотрения служат многочисленные данные полевых наблюдений, собранные многими исследователями, но в первую очередь Х. Рисли [55], Б. Гуха [48], Г. Филдом [47], Н. Н. Чебоксаровым [41] и М. Г. Абдушелишвили [5; 6; 7]. К сожалению, краниологический материал по индоарийским народам, суммированный и частично описанный Дж. Морантом [53; 59], гораздо менее представителен, чем материал по иранским народам. Все же и этот небольшой краниологический материал и, самое главное, результаты соматологических исследований не оставляют сомнения в том, что основной грацильный комплекс у иранцев является одновременно преобладающим среди индоарийских народов. Из этого факта вытекает заключение о достаточно обширном ареале грацильных темнопигментированных европеоидов в Передней Азии не только в современную эпоху, но и в древности.

Население южных и многих центральных районов Индии отличается от них, как известно, гораздо более темной кожей, широконосостью, прогнатизмом и в целом принадлежит к иному кругу антропологических форм [54]. Влияние этих форм на антропологический состав населения Северной Индии было довольно значительным и проявляется как специфически в отдельных районах, так и в целом, выражаясь в некотором потемнении пигментации кожи у индоариев, например, по сравнению с таджиками. Такая особенность легко объясняется историей индоариев, которые издавна, по крайней мере три с половиной тысячи лет, находились в контакте с дравидскими [9]. Поэтому можно думать, что южная (негроидная, австралоидная, дравидоидная, веддоидная; разные специалисты употребляют различную терминологию) примесь у индоариев не имеет отношения к сложению

их исходного антропологического комплекса и проистекает за счет этих многовековых контактов. Такой вывод находится в согласии с фактом большой близости иранских и индоарийских языков, разделением их на рубеже III–II тыс. до н. э. и былым распространением индоарийских языков и их носителей, по-видимому, к северу от дравидов [32; 33]. Последние в северных районах их расселения (брагуи) сами – носители того же комплекса признаков, который является основным у иранцев и преобладающим у индоариев [26].

Таксономическое обозначение этого комплекса в антропологической литературе неоднозначно. Его называют индо-памирской или индо-афганской расой, подчеркивая генетическую общность населения восточной части Передней Азии, южных районов Средней Азии и Северной Индии. Оба наименования одинаково широко распространены в специальных публикациях [36], но второе кажется мне предпочтительнее, так как основные особенности комплекса четче выражены у паштунов (без депигментации вследствие проживания в высокогорье), чем у памирцев. Более массивный компонент у северных таджиков обозначают как памиро-ферганскую расу, или расу Среднеазиатского междуречья, также относительно самостоятельную единицу расовой систематики [21; 39]. Оба наименования примерно одинаково используются в литературе. Многие антропологи включают памиро-ферганский комплекс в индоафганскую расу в качестве локального варианта [25], но обсуждение целесообразности такой таксономической операции не имеет отношения к нашей теме.

С трактовкой данных по современным индоарийским и иранским народам связана еще одна проблема – наличие в исходном пучке европеоидных расовых вариантов, на основе которых складывались антропологические особенности индоиранцев, негроидных и монголоидных элементов. В доказательство первого можно было бы вспомнить неоднократные указания на якобы негроидные особенности белуджей. Однако в действительности следует говорить только о некотором потемнении у них цвета кожи, так как по всем другим признакам они не отличаются от европеоидов [26]. Такое потемнение кожи могло быть следствием каких-то случайных, сравнительно поздних контактов с более южными темнопигментированными формами. Доказательством второго может служить реальная монголоидность хазарá [26]. Решение дискутировавшегося в литературе вопроса о центральноазиатском или тибетско-гималайском происхождении монголоидности у хазара выходит за рамки нашего сообщения. Но как бы его ни решать, проникновение монголоидов на территорию нынешнего Афганистана не может быть ранним. Оно не подтверждается никакими убедительными палеоантропологическими материалами или исторически-

ми наблюдениями. Поэтому на вопрос о наличии негроидной или монголоидной примеси в составе исходных антропологических комплексов, носителями которых были индоиранцы, а также древние иранцы и индоарии, нужно ответить отрицательно: во всех случаях, когда эта примесь фиксируется, она либо является достаточно поздней, либо предположение о ее позднем вторичном происхождении можно сделать с достаточной долей вероятности.

Какова палеоантропологическая ретроспектива нарисованной картины? Древние палеоантропологические материалы с территории Ирана не богаты (Тепе-Сиалк [58], Тепе-Гиссар [52]), для территории Афганистана они совсем отсутствуют, информация с территорий Пакистана и Северо-Западной Индии представлена лишь несколькими сериями (Тимаргарха [44], Мохенджо-Даро [57], Хараппа [49]). Все они без исключения обращают на себя внимание двумя морфологическими особенностями – резко подчеркнутыми европеоидными особенностями и значительной грацильностью лица [8], которая в отдельных случаях приближается, по-видимому, к мировому максимуму. Арменоидная комбинация признаков, о которой мы упоминали при рассмотрении антропологического облика курдов, отличается – кроме усиленного развития волосяного покрова на теле – брахицефалией, тогда как все перечисленные серии долихокранны. Казалось бы, можно положить этот признак в основу отделения древних индоафганцев и арменоидов, коль скоро интенсивность развития волосяного покрова невозможно фиксировать на палеоантропологическом материале. Но быстрая динамика формы головы во времени общеизвестна [23]; на территории самой Армении уже в эпоху средневековья преобладают долихокранные формы, что свидетельствует о долихокрании древних арменоидов [11]. Следовательно, отделить их от индоафганской расы в эпоху существования индоиранцев невозможно, но малый удельный вес арменоидного комплекса в составе современных иранских народов дает возможность предполагать, что во всех перечисленных случаях мы имеем дело с ископаемыми представителями индоафганской расы.

На территории Северного Таджикистана и прилегающих к нему районов мы сталкиваемся в эпоху энеолита и бронзы с иным комплексом признаков, при сильной выраженности европеоидных особенностей отличающимся массивным лицевым скелетом [22; 30]. Он является преобладающим и в южнорусских степях [23]. Преемственность этого комплекса с комбинацией признаков, свойственной северным таджикам и узбекам, иллюстрируется хронологически разновременными материалами и не вызывает сомнений. В эпоху поздней бронзы носители этого комплекса проникли и в южные районы нынешнего Таджикистана (Тулхар [29]). Таким

образом, в палеоантропологических материалах мы находим реальные доказательства исконного формирования северных групп древних иранцев на основе массивных европеоидных комбинаций, отличающихся в этом признаке от южных.

В итоге мы приходим к следующим выводам. Индоиранские народы формировались в антропологической среде, составленной двумя европеоидными компонентами, различавшимися в массивности лицевого скелета. Ареал южного, более грацильного компонента соприкасался на юге с негро-австралоидными формами. Ареал северного, более массивного компонента охватывал огромную область южнорусских степей, Казахстана и северных районов Средней Азии, в пределах которой Северный и Южный Таджикистан представлял собой далекую южную периферию. Прародина индоиранцев в свете палеоантропологических и антропологических данных очерчивается, следовательно, в пределах обширного района, охватывающего юг Средней Азии и Иранское нагорье. Границы прародины на западе и на востоке остаются не очень определенными, но кажется вероятным, исходя из резкого перепада ландшафтных характеристик и экстраантропологических соображений (успешная дешифровка надписей из Мохенджо-Даро на базе дравидийских языков [31]), что восточная граница не заходила за долину Инда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдушелишвили М. Г. Материалы к краниологии Кавказа. – Труды ИЭМ АН ГрузССР. Т. V. Тб., 1955.
2. Абдушелишвили М. Г. Осетины. – Труды ИЭМ АН ГрузССР. Т. VI. Тб., 1957.
3. Абдушелишвили М. Г. Об антропологическом составе современного населения Армении. – Антропологический сборник. IV. Труды ИЭтн АН СССР. Новая серия. Т. 82. М., 1963.
4. Абдушелишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тб., 1964.
5. Абдушелишвили М. Г. Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индо-средиземноморской расы. – СЭ. 1972, № 6.
6. Абдушелишвили М. Г. Новые данные к изучению генезиса индо-средиземноморской расы вообще и индо-памирской в частности. – Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
7. Абдушелишвили М. Г. и др. Совместные советско-индийские антропологические исследования в Индии в 1974 – 1975 гг. – СЭ. 1976, № 6.

8. Абдушелишвили М. Г., Алексеев В. П., Мальхотра К. Ч. К характеристике горизонтального профиля и уплощенности носовых костей некоторых групп населения Западной и Южной Индии в эпохи неолита и бронзы. – Совместные советско-индийские антропологические исследования на территории Индии в 1974–1975 гг. М., 1978.
9. Алексеев В. П. Антропологический состав населения древней Индии. – Индия в древности. М., 1964.
10. Алексеев В. П. Антропологические данные к происхождению осетинского народа. – Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967.
11. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974.
12. Алексеев В. П. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки. – Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974.
13. Бунак В. В. *Crania Armenica*. Исследования по антропологии Передней Азии. – Труды научно-исследовательского института при ИМГУ. Вып. 2. М., 1927.
14. Бунак В. В. Антропологический состав населения Кавказа. – «Вестник ГМГ». Т. XIII-A. Тб., 1946.
15. Бунак В. В. Древнейшие краниологические типы Передней Азии. – КСИЭ. Вып. II. М., 1947.
16. Бунак В. В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. – Сборник МАЭ АН СССР. Т. XIV. М.–Л., 1953.
17. Вавилов Н. И., Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
18. Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.
19. Гинзбург В. В. Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. М. – Л., 1937.
20. Гинзбург В. В. Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов. – Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Труды ТУ. Вып. 235. Таш., 1964.
21. Гинзбург В. В. Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение. – Труды VII МКАЭН. Т. 3. М., 1968.
22. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
23. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. – Труды ИЭтн АН СССР. Новая серия. Т. IV. М.–Л., 1948.
24. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Дагестане. – Антропологический сборник. I. Труды ИЭтн. Новая серия. Т. XXXIII. М., 1956.
25. Дебец Г. Ф. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас. – СЭ. 1958, № 4.
26. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Афганистане. – СЭ. 1967 № 4.

27. ДУБОВА Н. А. Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана. – ВА. Вып. 52, 1976.
28. КАСИМОВА Р. М. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975.
29. КИЯТКИНА Т. П. Черепа эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана. – А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – МИА СССР. № 145. Л., 1968.
30. КИЯТКИНА Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душ. 1976.
31. КНОРОЗОВ Ю. В. Характеристика протоиндийского языка. – Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М., 1965.
32. ОРАНСКИЙ И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.
33. ОРАНСКИЙ И. М. Иранские языки. М., 1963.
34. ОШАНИН Л. В. Иранские племена Западного Памира (сравнительно-антропологическое исследование). Таш., 1937.
35. ОШАНИН Л. В. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана. – ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. XII. Сталинабад, 1957.
36. ОШАНИН Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1–3. Ер., 1957–1959.
37. ОШАНИН Л. В., ЗЕЗЕНКОВА В. И. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Таш., 1953.
38. ПЕСТРЯКОВ А. П. Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана. – СЭ. 1975, № 1.
39. РЫЧКОВ Ю. Г. Происхождение расы Среднеазиатского междуречья. – Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Труды ТУ. Вып. 235. Таш., 1964.
40. РЫЧКОВ Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М., 1969.
41. ЧЕБОКСАРОВ Н. Н. Антропологические исследования в Индии. – Проблемы социально-экономической истории Индии. М., 1971.
42. ЧИКОБАВА А. С. Введение. – Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
43. ЯРХО А. И. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. Антропологический очерк о длинно-головом европеоидном компоненте турецких народностей СССР. – АЖ. 1933, № 1–2.
44. BERNHARD W. Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha. – “Bulletin of the Archaeological Department of the University of Peshawar”. Vol. III, 1967.
45. FIELD H. Contributions to the Anthropology of Iran. – “Field Museum of Natural History”. Anth. Series. Vol. 29. Chicago, 1939.
46. FIELD H. The Anthropology of Iran: the Lower Euphrates-Tigris Region. – “Field Museum of Natural History”. Anth. Series. Vol. 30. Pt 1, No. 2. Chicago, 1949.
47. FIELD H. An Anthropological Reconnaissance in West Pakistan. – “Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology”. Vol. LII. Cambridge (Mass.), 1959.

48. GUHA B. Racial Affinities of the Peoples of India. – Census of India 1931. Vol. 1. Pt 3. Simla, 1935.
49. GUPTA P., DUTTA P., BASU A. Human Skeletal Remains from Harappa. – “Bulletin of the Anthropological Survey of India”. Vol. 9. Calcutta, 1962.
50. HERRLICH A. Beitrag zur Rassen- und Stammeskunde der Hindukush-Kafiren. B., 1937.
51. JORGENSEN I. et al. Anthropological Studies in the Hindu Kush and the Punjab. – “Folk”. Vol. 6. Kopenhagen, 1965.
52. KROGMAN W. Racial Types from Tepe-Hissar, Iran. From the Late Fifth to the Early Second Millennium B. C – “Verhandlingen der Koninklike Nederlandsche Akademie van Wetenschappen”. Vol. 34, No. 2. Amsterdam, 1940.
53. MORANT G. A Study of Certain Oriental Series of Crania Including the Nepalese and Tibetan Series in the British Museum (Natural History). – “Biometrica”. Vol. XVI. Pts 1–2, 1924.
54. OLINIER G. Anthropologie des Tamouls du Sud de l’Inde. P., 1961.
55. RISLEY H. Peoples of India. Calcutta, 1915.
56. SCHWIDETZKY I. Turaniden-Studien. – Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abhandlungen der mathematisch-naturwissenschaftliche Klasse. 9. Wiesbaden, 1950.
57. SEWELL R., GUHA B. Human Remains. – J. Marshall (ed.). Mohenjo-Daro and the Indus Civilisation. L., 1931.
58. VALLOIS H. Les ossements humains de Sialk. Contribution à l’étude de l’histoire racial de l’Iran ancien. – R. Girshman. Fouilles de Sialk. T. II P., 1940.
59. WOO T., MORANT G. A Preliminary Classification of Asiatic Races Based on Cranial Measurements. – “Biometrica”. Vol. XXIV. Pts 1–2, 1932.

SUMMARY

Two techniques are employed in the reconstruction of the anthropological composition of the ancient Indo-Iranian peoples: the transposing of the results obtained in the study of the anthropological features of the present-day Iranian and Indo-Aryan peoples to the period when the Indo-Iranians existed as one community (3rd-early 2nd millennium B. C.); and the study of the paleoanthropological material relevant to that period and obtained in the territory probably inhabited by the Indo-Iranians (Asia Anterior, present-day Soviet Central Asia and the South Russian steppes). An overall analysis of these combined data shows that the formation of the Indo-Iranian peoples proceeded in an anthropological milieu consisting of two Europoid components which differed in the massiveness of the facial skeleton. The area of the southern, more gracile component bordered on the Negro-Australoid elements in the south. The northern, larger component prevailed over the vast area of the South Russian steppes, Kazakhstan and the northern part of what is now Soviet Central Asia; within the limits of the latter, Northern and Southern Tajikistan was a faraway southern periphery.

Accordingly, in the light of paleoanthropological and anthropological data, the ancestral homeland of the Indo-Iranians is localised within the vast region encompassing the southern part of Soviet Central Asia and the Iranian Plateau. The western and eastern borders of their homeland are not quite definable; yet, if one proceeds from the sharply delineated geographical characteristics and extra-anthropological considerations (the successful decoding of inscriptions from Mohenjo-daro based on Dravidian languages), one can hypothesise that the eastern border stopped before the Indus Valley.